

Константин Станюкович

Дуэль в океане

«Public Domain»

1901

Станюкович К. М.

Дуэль в океане / К. М. Станюкович — «Public Domain», 1901

© Станюкович К. М., 1901

© Public Domain, 1901

Содержание

I	6
II	7
III	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Константин Михайлович Станюкович

Дуэль в океане

—

Станюкович К.М. Собр.соч. в 10 томах. Том 9. — М.: Правда, 1977.

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 28 марта 2003 года

—

I

Этот длинный переход из Фунчала¹ в Батавию на Яве, без захода в Рио² или на мыс Доброй Надежды, начинал очень надоедать обитателям русского военного корвета “Отважный”.

Вот уже двадцать пять дней, как океан да небо, небо да океан без конца.

Они, конечно, были прелестны и ласковы в северных тропиках. О, как прелестны!

Солнце, ослепительно красивое, всегда заливало жгучим блеском тихо рокочущий океан с его ласковыми, невысокими волнами. Луна так таинственно-задумчиво глядела с бархатистого неба, и под ее серебристым светом волшебные южные ночи становились еще волшебнее. Мириады звезд так ласково мигали...

Но все-таки океан да небо, хотя и не угрожавшие морякам штормами, казались однообразно прелестными и надоедали людям, привязанным к земле.

И как безмолвно, пусто кругом!

Изредка забелеет парус встречного или попутного судна... Обменяются приветствиями, поднятием флага и разойдутся, или “Отважный” обгонит попутного “купца”.

И снова “Отважный” идет да идет под всеми парусами, легко и грациозно поднимаясь с волны на волну, в одиночестве.

Реяли в высоте орлы океана – фрегаты. То летали над водой, то опускались на нее белоснежные альбатросы за рыбой и снова улетали, скрываясь от глаз. Порой, вблизи, показывал черную спину кит, выпускал высокий фонтан воды и исчезал. В прозрачной синеве океана показывались акулы с лопманами у борта и удирали, не пронзенные острой какой-нибудь охотника-матроса. Часто на солнце сверкали летучие рыбки.

Все это пригляделось.

И кончились благодатные тропики, где вахты матросов такие покойные, и так хорошо дремлет под лаской векового пассата, и так слушаются сказки, если еще есть новые у матроса-сказочника.

“Отважный” проскочил под парами штилевую полосу у экватора, прошел южные тропики, спускался все ниже и ниже, где ветер уже не шутил и дышал ледяным дыханием южного полюса, и повернул в Индийский океан, чтобы с попутным муссоном подниматься на Яву.

¹ Фунчаль(Фуншал) – город-порт на острове Мадейра в Атлантическом океане.

² Рио – Рио-де-Жанейро – город в Бразилии, расположенный на берегу бухты Гуанабара Атлантического океана.

II

Индийский океан уже гневно рокотал и порой бешено вздымался засевшими громадными волнами, нападавшими на маленький корвет. Ветер выл и завывал в мачтах и снастях, стараясь опрокинуть “Отважный”. Солнце пряталось под черными клочковатыми облаками, и без него шторм казался еще страшней и грозней, одиночество – еще безотраднее.

И со спущенными брам-стенгами и под штормовыми парусами “Отважный”, казалось, метался, словно затерянный и обреченный на гибель.

Но крепкий корвет не давался грохотавшему, бесновавшемуся старику-океану. Он стремительно взлетал на волны и опускался с них, отряхиваясь, словно громадная птица, от гребней волн, врывающихся на бак. Он вздрагивал от ударов волны и уходил от смертельного савана. Злобная, она обрушивалась сзади кормы.

И капитан, строгий и напряженный, не спускавший возбужденных сверкавших глаз с носа “Отважного”, только покрикивал в рупор рулевым у штурвала под мостиком:

– Не зевать... Право... Так держать!

Шторм улетал дальше. Матросы облегченно крестились. Капитан уходил в каюту отсыпаться.

Было в океане только “свежо”, как говорят моряки про сильный ветер, не доходящий до силы шторма.

И “Отважный” под зарифленными парусами, раскачиваясь с бока на бок, несся в бакштаг узлов по двенадцати.

Только будто седой бурун с шумом рассыпался под носом “Отважного”, и он вздрагивал и поскрипывал от быстрого хода.

Вахтенный офицер наблюдал за рулевыми. Стоял на мостике и старший офицер... Как бы не оплошал молодой мичман!

Кругом все то же. Океан да небо, то грозные, то милостивые, но ни разу не ласковые.

– “Очертело!” – все чаще и чаще говорили на баке матросы.

“Лясничали” реже и только отрывисто, и более насчет “подлого” Индийского океана, который ни одной частицы ночи не дает выспаться подвахтенным. Непременно боцман крикнет: “пошел все наверх!” – то к повороту, то рифы брать.

– Очертеет!.. На то и служба такая! – говорил какой-нибудь из старых матросов.

– Еще, слава богу, командир правильный...

– А Петра Васильич, что и говорить... Андел! – замечал кто-нибудь о старшем офицере.

И обыкновенно любимые разговоры на баке о качествах того или другого начальника на “Отважном” или воспоминания о злых и строгих, и не злых и понимающих матроса начальниках, с которыми прежде служили рассказчики, – теперь не поднимались. И шуток было не слышно.

Все стали напряженнее и молчаливее.

Только молодые матросики из первогодков тоскливее вспоминали о далекой родной стороне и чаще задумывались об опасностях морской службы.

– Кругом вода! – с тоской говорил один белобрысый матросик с большими серыми глазами, который все еще не мог привыкнуть к морю, хотя и старался изо всех сил делать, что приказывали, чтобы боцман и унтер-офицер не ругали и не били его.

Только не били бы! И, главное, чтобы не наказали линьками!

Старый боцман Корявый, “околачивавшийся”, как он говорил, во флоте двадцать лет и после всяких видов сделавшийся большим философом, обыкновенно дрался “с рассудком” и “жалеючи”, как говорили про него матросы.

Но и он становился раздражительней и дрался вовсе без рассудка, словно бы в отместку за долгое ожидание напиться на берегу “во всей форме”, как называл он возвращение с берега в лежку и поднимание на палубу при помощи более трезвых матросов, а то и на гордешке.

– За что зверствуешь, Митрич? – спрашивал его приятель, старый матрос, вместе обыкновенно пьянствовавший на берегу.

– То-то от скуки... Пойми... Когда еще берег...

– А ты бога вспомни. Обижаешь, Митрич, безответных... первогодков... Нехорошо, братец! – серьезно и в то же время душевно убеждал боцмана маленький и сухощавый матрос Опорков с добрыми, словно бы виноватыми глазами человека, понимающего, что он пропоец и не раз даже пропивал на берегу все казенное платье и возвращался в одной рубахе, а на другой день покорно ждал линьков.

– И бога помню, когда в понятии.

– Войди...

– А ты не лезь, Опорков... До берега не буду в понятии... Пойми и не серди боцмана! – сердито оборвал приятеля боцман.

И Опорков отходил.

Сам он “заскучивал” по берегу, как и боцман. Необыкновенно добрый, он все-таки остановил на другой день боцмана и просил пожалеть людей.

– Потерпи. Зато, Митрич, как берег... Одно слово – вдребезги! – прибавлял Опорков.

III

В кают-компании тоже все чаще и чаще раздавались недовольные восклицания скучающих офицеров:

- Скорей бы на берег!
- Тошища!
- Хоть бы по-человечески поесть, а то сиди на консервах!
- Обязательно выйду в отставку!

Каждый из восклицавших не ждал лично сочувственных реплик и не продолжал жаловаться на скуку. Надоели все друг другу.

Почти каждый день после полудня, когда старший штурман, доложивши капитану полуденную широту и долготу места “Отважного”, возвращался из капитанской каюты, мичман барон фон-Рейц, белобрысый молодой человек, с скучающим добродушным лицом невозмутимого флегматика, спрашивал о чем-нибудь плотного и крепкого, маленького, лысого, с седыми бачками и усами, старшего штурмана.

И в этот день он невозмутимо спокойно спросил:

- Скоро в Батавию, Афанасий Петрович?
- Я не бог-с! Я штурман-с, барон.
- Я это знаю, Афанасий Петрович... Но однако?
- И однако не знаю-с! Эй, вестовые! Начерно рюмку водки!
- Сколько осталось миль, Афанасий Петрович?
- Это знаю-с. Тысяча шестьсот двадцать миль! – любезнее ответил Афанасий Петрович

и с удовольствием выпил рюмку, крикнул и закусил куском хлеба с сыром.

– Значит...

И барон, не спеша, говорил про себя цифры.

– Значит, через десять дней мы будем обедать в Батавии, Афанасий Петрович! – уверенно произнес барон.

Обыкновенно сдержанный и скупой на слова в море, Афанасий Петрович становился нервней в конце перехода, особенно когда ему говорили подобные “сапоги всмятку”, как подумал старый штурман про слова барона, да еще мальчишки и с таким апломбом.

И без того достаточно красный и от полнокровия и, быть может, от лечения его специально портвейном, Афанасий Петрович делался еще красней, хмурил свои седые густые брови и не без раздражения замечал:

- Значит, что пристяжная скачет.
- Вы, Афанасий Петрович, с предрассудками.
- То-то вы без предрассудков, барон. Вам, конечно, известно: будет ли шторм или не будет-с, прихватит ли ураган или не прихватит-с. Стихнет ветер, и мы поползем по три узла-с... Одним словом, вы все знаете-с и через десять дней будете обедать в Батавии, а я не собираюсь на берег, пока не бросим якоря...

Барон равнодушно выслушал и, когда старый штурман окончил, протянул:

- Да вы не сердитесь, Афанасий Петрович...
- Очень нужно сердиться.

И в кают-компании снова была тишина.

Прежнего оживления уже не было. Разговоры иссякли. Еще недавно общительные люди становились молчаливыми и более чувствительными к шутке, если мичман Загорский, enfant gate ³ кают-компаний и веселый рассказчик анекдотов, пробовал пошутить. Но, главное, все

³ баловень (франц.).

стали относиться друг к другу с большей критикой. Сослуживцы, замечавшие прежде немало хороших сторон друг в друге, невольно старались заметить теперь дурные. Споров не было. Если и поднимались, то принимали ожесточенный характер, и старший офицер Петр Васильевич, человек необыкновенно миролюбивого характера и боявшийся, как огня, дразг, ссор, словом, какой-нибудь “истории” в кают-компании, – торопился прекратить спор или разводил спорщиков, находя надобность с одним из них поговорить о чем-нибудь по службе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.